

DOI: 10.31857/S032103910001595-7

ЛАТИНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА: ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А. Л. Смышляев

Институт всеобщей истории, Российская академия наук, Москва, Россия

E-mail: praeses51@mail.ru

Статья посвящена истории интерпретации латинской надписи из Азербайджана (AE 1951, 263). По мнению автора, это в значительной мере история ошибок и заблуждений, связанных с неверной локализацией надписи и необоснованным представлением о ней как о свидетельстве римского военного присутствия в Кавказской Албании.

Ключевые слова: Гобустан, гора Бейук-Даш, Каспийские ворота, Дербентский проход, Домициан, центурионы, албаны, аланы, восточная политика Флавиев

LATIN INSCRIPTION FROM AZERBAIJAN: PROBLEMS AND HISTORY OF INTERPRETATION

Alexander L. Smyshlyaev

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: praeses51@mail.ru

The article is devoted to the history of the interpretation of Latin inscription from Azerbaijan (AE 1951, 263). In the author's opinion, it is to a considerable extent the history of mistakes and misconceptions related to the wrong localisation of the inscription, which led to the unreasonable idea about it being a testimony of Roman military presence in Caucasian Albania.

Keywords: Gobustan, Beyuk-Dash mountain, Caspian Gates, Derbent passage, Domitian, centurions, Albani, Alani, the Eastern policy of the Flavians

---

Данные об авторе. Александр Леонидович Смышляев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Автор искренно благодарен журналу «Баку» и Диляре Мурадовой за предоставленную ему возможность побывать в августе 2010 г. в Гобустане и познакомиться с надписью *in situ*, а также Фикрету Абдуллаеву, Габибе Алиевой, Алексею Муравьеву, Али Раджабли и Афет Рустамбековой за консультации. Особая благодарность Георгию Кантору за помощь при подготовке этой статьи к печати.

Одна из самых известных и вместе с тем загадочных римских надписей была найдена примерно в 70 км к юго-западу от Баку, там, где один из последних отрогов Большого Кавказского хребта почти вплотную подходит к Каспийскому морю. В этом месте находится знаменитый Гобустанский (или Кабристанский, как было принято называть его раньше) заповедник, включенный в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Это причудливое нагромождение невысоких гор и остроконечных скал, покрытых многими тысячами петроглифов — процарапанных на камне древних изображений людей и животных.

Открытие гобустанских петроглифов относится к весне 1939 г. и принадлежит известному азербайджанскому археологу и этнографу И.М. Джафарзаде¹. Археологические раскопки памятников Гобустана и их научное исследование начались вскоре после Великой Отечественной войны. Экспедиции Института истории имени А. Бакиханова Азербайджанской академии наук несколько сезонов обследовали Гобустан. Утром второго июня 1948 г. руководитель одной из таких экспедиций И.М. Джафарзаде обнаружил у юго-восточной части горы Беюк-Даш («Большой камень»)² на поверхности большой каменной глыбы латинскую надпись из шести строк, едва различимую под лишайниками³.

Надпись на редкость хорошо сохранилась и дошла до нас целиком, но поскольку в Азербайджане не было специалистов по латинской эпиграфике, ее не сразу удалось скопировать и перевести. Ее правильный перевод был сделан специалистом по истории и культуре Кавказской Албании З.И. Ямпольским с помощью Е.М. Штаерман⁴. Он же подготовил первое полноценное издание этой надписи с комментированным переводом, прорисовкой и фотографией, которое вышло в 1950 г.⁵ В том же году она была опубликована в журнале *Fasti Archaeologici*⁶, а в следующем — в *L'Année épigraphique* со ссылкой на публикацию З.И. Ямпольского⁷.

Вот как выглядит эта надпись (см. рис.)⁸:

---

¹ Dzhaфарzade 1948, 304.

² Беюк-Даш принято называть горой, и я в дальнейшем не буду нарушать устоявшегося обычая. Однако на самом деле это не гора, а довольно крупный холм высотой 200 м.

³ Dzhaфарzade 1948, 306–307.

⁴ Yampolskiy 1949, 89.

⁵ Yampolskiy 1950, 177–182.

⁶ *Fasti Archaeologici* 1950 3, 2450.

⁷ *AE* 1951, 263.

⁸ Эта фотография с места находки сделана Д. Лившицем и опубликована здесь с его любезного позволения. Поверхность камня, на которой вырезана надпись, несколько лет тому назад была отполирована итальянским реставратором Л. Скринзи. Ее первоначальный облик можно представить по фотографиям в публикации З.И. Ямпольского (Yampolskiy 1950, 178, рис. 1), монографии К.В. Тревер (Trever 1959, табл. 37) и статье Д. Браунда (Braund 2003, 178, Fig. 2).

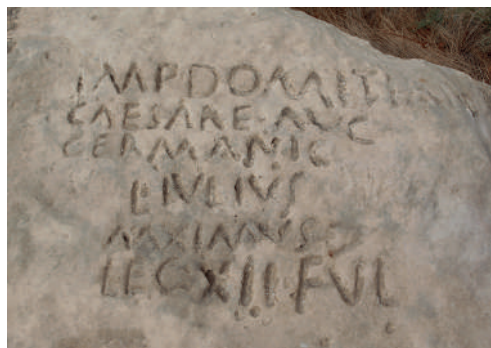

Рис. 1. *AE* 1951, 263 = McCrum, Woodhead 1966, No. 100

IMP(ERATORE) DOMITIANO
CAESARE•AVG(VSTO)
GERMANIC(O)
L(VCIVS)•IVLIVS
MAXIMVS CENTVRIO
LEG(IONIS) XII•FVL(MINATAE)

Перевод: При имп(ераторе) Домициане, цезаре, авг(усте), Германск(ом), Л(уций) Юлий Максим, центурион XII Гром(обойного) лег(иона).

К.В. Тревер обратила внимание на особенности этой надписи: отсутствие рамки, расположение строчек, не обусловленное поверхностью скалы, изменение порядка слов в императорской титулатуре. Во всех известных надписях имени Домициана предшествует титул ‘Caesar’, здесь же он поставлен после его имени. По мнению исследовательницы, это может указывать на неофициальный характер надписи⁹.

Гобустанская находка получила широкую известность и до сих пор вызывает интерес у специалистов по латинской эпиграфике, истории древнего Рима и Закавказья. В 1960 г. британская исследовательница Дж. Рейнолдс в своем обзоре наиболее значительных открытий в области латинской эпиграфики упомянула ее в числе самых интересных находок, сделанных за последние полвека¹⁰. Среди учебных пособий по латинской эпиграфике, изданных во второй половине прошлого — начале нынешнего веков, трудно найти такое, в котором не фигурировала бы эта надпись. Без ее упоминания или трактовки не обходится ни одно исследование, посвященное политике Рима на его восточных рубежах при Флавиях или истории Закавказья в эту эпоху.

Надпись, найденная на горе Беюк-Даш, вызывает такой интерес во многом благодаря своей уникальности и загадочности. Во-первых, это самая восточная из всех известных нам латинских надписей. Во-вторых, это единственная латинская надпись, найденная на территории Азербайджана, или, говоря иначе, на территории древней Кавказской Албании. Самые близкие к ней латинские надписи найдены на территории Армении, примерно в 300–400 км к западу от Гобустана¹¹.

Неизбежно возникают вопросы, как же центурион Юлий Максим оказался так далеко от места расквартирования своего легиона на Верхнем Евфрате и зачем он высек, или приказал высечь, надпись там, где ее некому было прочесть. И, наконец, в чем заключается самое главное, что мы узнали благодаря нескольким строчкам, вырезанным на каменной глыбе?

⁹ Trever 1959, 329.

¹⁰ Reynolds 1960, 209.

¹¹ Trever 1953, 228–229; Arakelyan 1971, 114–115; Fyedorova 1982, 180–181.

Самый популярный вариант ответа на последний вопрос наиболее четко и ясно сформулирован Е.В. Федоровой: «Найденная надпись является бесспорным доказательством пребывания римских войск в восточной части Закавказья в конце I в.»¹². С этой формулировкой могли бы согласиться более 90% исследователей, так или иначе трактовавших или просто упоминавших эту надпись.

На первый взгляд, такой вывод кажется само собой разумеющимся и единственно возможным¹³. Однако знакомство с историографией позволяет понять, что это не так. Если большинство исследователей видели в этой надписи свидетельство римского военного присутствия в Восточном Закавказье при Домициане, то изредка встречается и другая точка зрения: надпись свидетельствует о выполнении римским центурионом какого-либо поручения разведывательного или дипломатического характера, т.е. о миссии (возможно, секретной) отдельного лица.

Цель этой статьи выявить основные этапы изучения и интерпретации гобустанской надписи, критически разобрать основные направления и гипотезы и выявить, какая из двух альтернативных точек зрения представляется более убедительной. И хотя история интерпретации гобустанской надписи — это в значительной мере история ошибок, недоразумений и заблуждений¹⁴, отрицательный опыт для историка может быть не менее ценным, чем положительный.

Когда сразу же после своего открытия И.М. Джафарзаде обсуждал с коллегами еще не переведенную до конца надпись, «беседа... в основном касалась вопросов о причинах появления XII римского легиона в пределах полупустынного Кабристана»¹⁵. По мнению азербайджанского востоковеда и филолога-классика П.Х. Тумбиля, найденная в Гобустане надпись связана с упоминаемым Светонием (*Dom.* VI. 1) походом Домициана против сарматов, уничтоживших его легион вместе с легатом¹⁶. Армянский историк-кавказовед Л.С. Хачикян, истолковав это свидетельство таким же образом, увидел в гобустанской надписи подтверждение сообщения средневекового армянского историка Моисея Хоренского в его полуполюгендарной «Истории Армении» о закончившемся поражением походе в Армению римского войска, посланного Домицианом¹⁷.

---

¹² Fyedorova 1982, 179.

¹³ Когда в беседах с коллегами, занимающимися историей ранней Римской империи или Закавказья в древности, я высказывал сомнение в такой трактовке, они с удивлением спрашивали: «А что же еще можно здесь предположить?»

¹⁴ По меткому замечанию А. Шибера: «Ученые нередко находили в этом отрывке то, во что они хотели поверить, не обращая особого внимания на текст» (Schieber 1976, 111).

¹⁵ Dzhaferzade 1948, 309.

¹⁶ Tumbil' 1948, 312–313.

¹⁷ Khachikyan 1948, 91–97. К сожалению, я не смог прочитать эту статью, поскольку она написана на незнакомом мне армянском языке.

Эту концепцию приняли известный азербайджанский археолог и нумизмат Е.А. Пахомов¹⁸ и З.И. Ямпольский¹⁹. Как совершенно резонно отметил последний, из текста надписи вовсе не следует, что на горе Беюк-Даш побывал весь римский легион. Поэтому он привел дополнительные данные в пользу пребывания там XII легиона: обширное плоское плато на вершине горы площадью в 50 га, следы древней каменной кладки на трех ее склонах (они могли, по его мнению, остаться от стен римского лагеря) и источник воды на склоне горы²⁰.

Советский историк древнего Рима А.Г. Бокщанин, основываясь на гобустанской надписи и концепции Л.С. Хачикяна, дал яркое описание римского вторжения в Закавказье. По его мнению, XII легион был авангардной частью римской армии, которая вторглась в Армению, чтобы добратся до западного побережья Каспийского моря в районе Апшеронского полуострова и закрепить за собой важную стратегическую позицию и исходный путь для торговли с империей Хань в обход Парфии. Но «римские войска, продвинувшись в глубь страны албанов, были частично уничтожены, а частично вынуждены отступить из пределов ее и Армении»²¹.

Таким образом, если верить Л.С. Хачикяну и его последователям, гобустанская надпись свидетельствует о грандиозном вторжении римлян в Закавказье, закончившемся для них полной катастрофой. Причем ни один античный писатель, за исключением Светония, почему-то не упомянул об этом походе ни единым словом. Насколько мне известно, ни один другой историк древнего Рима, кроме А.Г. Бокщанина, не принял эту концепцию. Еще до выхода монографии А.Г. Бокщанина выдающаяся исследовательница истории и культуры древнего Закавказья К.В. Тревер справедливо указала, «что у Светония речь идет о походе 92 г. против сарматов

---

¹⁸ Pakhomov 1949, 86–87.

¹⁹ Yampolskiy 1950, 180–181.

²⁰ Yampolskiy 1950, 178–179. На с. 179, рис. 3 дана фотография восточного склона горы Беюк-Даш и сохранившихся остатков каменной кладки. На мой взгляд, приведенные З.И. Ямпольским аргументы не очень убедительны. Он не учел несколько важных моментов. Во-первых, единственный пологий склон горы Беюк-Даш забит громадными каменными глыбами (см. упомянутую выше фотографию, а также Braund 2003, 179, Fig. 4), которые представляют собой хорошее укрытие от обстрела для нападающих и препятствие для вылазок обороняющихся, а также для входа в лагерь и выхода из него больших масс людей и животных. Во-вторых, никто еще не доказал, что каменная кладка осталась от оборонительных стен, а не от каких-либо иных сооружений, и никто не смог датировать остатки этой каменной кладки. В-третьих, нужно быть очень большим оптимистом, чтобы поверить, что один мелководный источник и два неглубоких трехметровых колодца могли обеспечить водой многие тысячи людей и многие сотни верховых и вьючных животных. Считается, что легионному лагерю для нормального функционирования было необходимо 200–300 кубометров воды в день (Campbell 2006, 33). В-четвертых, легионный лагерь занимал площадь в 20–25 га, но никак не в 50 (*ibid.*).

²¹ Bokshchanin 1966, 220–221.

придунайских» и что у античных авторов нет ни слова о каком-либо восточном походе при Домициане²².

К.В. Тревер, так же как и почти все остальные исследователи, видела в Гобустанской надписи «след пребывания римского отряда на территории Албании в 84–96 гг.». Она дала два возможных объяснения этому пребыванию: 1) «части XII легиона выполняли здесь какое-то местное задание, быть может, не военного, а разведочного порядка; берега Каспия издавна являлись предметом обследования со стороны западных завоевателей»; 2) Домициан, как известно, в юности хотел возглавить римское войско, которое парфянский царь Вологез просил прислать для помощи против аланов (Suet. *Dom.* II. 2), но Веспасиан в 72 г.н.э. отказался посылать это войско. Став императором, Домициан, чтобы хотя бы отчасти реализовать свою юношескую мечту, послал римский отряд (а возможно, и несколько отрядов) к Каспийскому морю для борьбы с набегами албанов и аланов на Армению и Парфию²³.

На мой взгляд, обе гипотезы не особенно убедительны. В первом случае непонятно, почему албаны разрешили отряду «западных завоевателей» вести разведку на своей территории. Во втором случае Домициан готов послать свои войска чуть ли не на край света, чтобы защищать интересы парфян. Однако даже злейшие противники Домициана в самом Риме никогда не обвиняли его в особых симпатиях к парфянам. Из текста Светония ясно, что юношеская мечта Домициана была связана со стремлением отличиться и занять видное положение, а не с бескорыстной любовью к парфянам.

Почти все зарубежные историки древнего Рима, занимавшиеся интерпретацией гобустанской надписи, также рассматривали ее как свидетельство римского военного присутствия в Восточном Закавказье, но при этом вели речь не о легионах или легионе, а всего лишь об его подразделении под командованием центуриона Л. Юлия Максима (или нескольких подразделений).

Такая трактовка позволяет ответить на вопрос, почему эта надпись оказалась единственным имеющимся в нашем распоряжении свидетельством римского военного присутствия в Кавказской Албании в правление династии Флавиев. Однако при этом возникает другой трудный вопрос, что делал сравнительно небольшой римский отряд²⁴ за тысячу километров от

---

²² Trever 1959, 344. Ср. Grosso 1954, 141; Melikishvili 1959, 350–351. Свидетельство Светония относится ко Второй Паннонской войне (Jones 2002, 152; Griffin 2008, 64, n. 314), в ходе которой римляне потеряли легион XXI Rapax (Jones 2002; Griffin 2008, 73).

²³ Trever 1959, 127–128, 345.

²⁴ В римской армии центурион, не достигший высшего ранга (примипилата), не мог командовать сколько-нибудь значительным подразделением. Насколько мне известно, самый крупный отдельный отряд, находившийся под командованием обычного центуриона, состоял из нескольких сотен воинов (Makhlayuk 2009, 213–214).

места своей постоянной дислокации²⁵ в далекой чужой стране, не имевшей общих границ с римскими владениями.

Б. Айзек и Д. Браунд рассмотрели имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о пребывании римских отрядов за пределами римской державы. Б. Айзек разобрал случаи пребывания римских гарнизонов за пределами административных границ римских провинций. Во всех этих случаях римляне занимали важные стратегические позиции на расстоянии не более 200–250 км от границы²⁶.

Д. Браунд собрал все известные случаи, когда подразделения (реже соединения) римских войск присылались к «дружественным» царям²⁷, чтобы охранять их, поддерживать и вместе с тем контролировать. Они располагались, как правило, в непосредственной близости от правителя — в столице или в хорошо укрепленной царской резиденции недалеко от столицы²⁸. К сожалению, у нас нет надежных данных о взаимоотношениях Флавиев с царями из династии Аршакидов, правившими в то время в Кавказской Албании. Однако известно, что и при Нероне, и при Траяне они были настроены враждебно или в лучшем случае нейтрально по отношению к Риму²⁹. То, что при Флавиях римско-албанские отношения были дружескими, можно подтвердить только на основании «римского военного присутствия» в Албании при Домициане. В итоге получается *circulus vitiosus*: предполагаемое римское военное присутствие в Албании позволяет утверждать, что она находилась в «дружественных» отношениях с Римом или даже полностью утратила суверенитет³⁰, а это утверждение, в свою очередь, подкрепляет предположение о римском военном присутствии³¹.

---

²⁵ Так оценивает расстояние по прямой от Мелитены до горы Беюк-Даш Дж. Кроу (Crow 1986, 88). По мнению Е. Колендо, это расстояние — «более тысячи километров» (Kolendo 1981, 45). К.Р. Уиттейкер считает, что от Мелитены до Гобустана 1600 километров (Whittaker 2008, 309). На мой взгляд, это явное преувеличение. По прямой это расстояние 920 км, но длина даже самого короткого из возможных путей в Закавказье, стране гор и нагорий, где передвигались в основном по извилистым речным долинам, была, разумеется, значительно больше (об особенностях передвижения в Закавказье см. Isaac 2000, 10–11).

²⁶ Isaac 2000, 398–400.

²⁷ Как известно, в отношениях между «дружественными» царями и Римом было очень трудно провести границу между дружбой и зависимостью.

²⁸ Braund 1984, 94–95.

²⁹ Имеющиеся в нашем распоряжении довольно скудные свидетельства (в основном косвенные) разобраны и убедительно интерпретированы А. Шибером (Schieber 1976, 97–98, 104, 123). Ср. резонные соображения по тому же самому вопросу и аналогичные выводы З.И. Ямпольского (Yampolskiy 1950, 182), Г.А. Меликишвили (Melikishvili 1959, 351–352), А.Б. Босуорта (Bosworth 1976, 73) и А.Р. Панова (Panov 2008, 270–271).

³⁰ «На основании надписи, найденной у горы Беюк-Даш, мы можем прийти к заключению, что Албания находилась под политическим протекторатом Рима» (Grosso 1955, 51). Ср. Schieber 1976, 124–125.

³¹ Исследователи, рассматривающие гобустанскую надпись как свидетельство римского военного присутствия, не видят слабости своей аргументации, поскольку для

Наличие второй характерной особенности пребывания ограниченного контингента римских войск за пределами Рима в нашем случае также весьма сомнительно. Гобустан находился на бедной и малолюдной окраине Кавказской Албании, примерно, в 150 км от ее столицы Кабалы³². Его стратегическая ценность весьма сомнительна³³. Можно, конечно, предположить, что Гобустан был промежуточным пунктом на пути римского отряда в сторону Кабалы или Дербентского прохода — узкого прохода между горами и морем в районе современного Дербента³⁴, который в древности нередко называли Кавказскими, или Албанскими, воротами³⁵. Он имел немаловажное стратегическое значение³⁶. Возможен и обратный вариант — возвращение римского отряда из Кабалы или от Дербентского прохода обратно в Мелиту. Однако Гобустан как промежуточный путь маршрута в Мелиту или из нее подразумевал обязательный проход через территорию Парфянского царства или союзной с ней и зависимой от нее Армении. Но поскольку отношения между Римом и Парфией при Флавиях были довольно напряженными (см. ниже), вряд ли римский военный отряд мог получить на это разрешение³⁷.

Таким образом, пребывание римского отряда в Гобустане в правление Домициана нельзя отнести ни к случаям, разобранным Б. Айзеком, ни к тем, которые были рассмотрены Д. Браундом. Поэтому историкам, считающим гобустанскую надпись свидетельством римского военного присутствия в Кавказской Албании при Домициане, приходится либо отвечать на очень трудные вопросы, возникающие в связи с такой трактовкой, либо их просто не замечать.

них это присутствие — не предположение, а твердо установленный факт.

³² По мнению И.М. Джафарзаде, много лет занимавшегося археологическим исследованием «полупустынного Кабристана», здесь находились культовые места, время от времени посещавшиеся паломниками, а следы жилья отсутствуют. Окрестности же горы Беюк-Даш местное население, видимо, с древнейших времен использовало как зимнее пастбище (Dzhafarzade 1948, 305—306, 309—310).

³³ По мнению А. Шибера, никакого военного значения он вообще не имел (Schieber 1976, 124).

³⁴ Через Гобустан проходил древний путь от устья Куры до Дербента (Dzhafarzade 1948, 310).

³⁵ По мнению Е.А. Пахомова, XII легион двигался из Мелитены через Армению и Гобустан к Дербентскому проходу (Pakhomov 1949, 83—84).

³⁶ Этот проход позволял держать под контролем один из удобных путей, используемых для набегов на страны Закавказья, парфянские и римские владения конными ордами скифов, сарматов, аланов, гуннов, обитавших в северокавказских степях (см. Trever 1959, 123—124, 267—268, 274—275; Braund 1994, 45—46).

³⁷ Как совершенно справедливо отмечает А. Шибер, до горы Беюк-Даш римским воинам гораздо легче было добраться из Саталы, где располагался XVI Флавиев легион, чем из Мелитены (Schieber 1976, 121). Из Саталы, расположенной недалеко от Черного моря, вела удобная дорога в сторону римских владений в Колхиде, а оттуда, минуя Армению, можно было добраться в союзную Риму Иберию, граничившую с Кавказской Албанией. Чтобы воспользоваться этим путем воинам XII легиона, им пришлось бы пройти мимо Саталы, т.е. прошагать лишние 300 километров по сравнению с воинами из XVI легиона (см. Kornell, Matthews 1992, 151, 220).

Разумеется, это не остановило никого из многочисленных сторонников данной трактовки. Самым первым и наиболее влиятельным из них был итальянский эпиграфист и историк древнего Рима Ф. Гроссо, посвятивший большую статью, казалось бы, исчерпывающей интерпретации гобустанской надписи³⁸. Он воспринял основные положения статьи З.И. Ямпольского о стратегических и тактических преимуществах Гобустана и горы Бек-Даш и согласился с тем, что отряд римского центуриона контролировал важную стратегическую позицию. Пребывание этого подразделения в Кавказской Албании означало, на его взгляд, что военно-политическая ситуация в стране была в тот момент благоприятна для Домициана³⁹.

Стратегическая ценность Гобустана была обусловлена, по мнению Ф. Гроссо, тем, что римский гарнизон, занимая хорошо укрепленную господствующую над местностью крепость, контролировал узкий проход между горами и морем, а поскольку он находился напротив Дербентского прохода, то держал под контролем также и дорогу, ведущую оттуда на юг⁴⁰. Эти очень важные для концепции Ф. Гроссо выводы основываются не на свидетельствах источников, а на недоразумении. В написанной довольно небрежно статье З.И. Ямпольского⁴¹ было сказано, что Гобустан находится недалеко от моря, в 70 км от Баку, но не указано к северу или к югу⁴².

Возникшую в итоге этой небрежности путаницу усугубил Л.А. Ельницкий в своей статье «Северопричерноморские заметки», опубликованной в том же номере «Вестника древней истории», что и статья З.И. Ямпольского⁴³. В заметке, озаглавленной «Римляне у Каспийских ворот», Л.А. Ельницкий утверждал, что отряд под командованием Луция Юлия Максима совершил карательную экспедицию к Дербентскому проходу против албанов или против проникших через Каспийские ворота к границам Армении сармато-аланских племен⁴⁴. Таким образом, предположению Е.А. Пахомова⁴⁵ он придал статус твердо установленного факта.

Издатель гобустанской надписи в «Эпиграфическом ежегоднике» указал, что Л.А. Ельницкий комментирует эту надпись в заметке «Римляне

---

³⁸ Grosso 1954, 117–79; 1955, 33–78.

³⁹ Grosso 1954, 118–120, 142, 145.

⁴⁰ Grosso 1954, 118, 140.

⁴¹ Об этом свидетельствуют как ее двусмысленное название, так и многочисленные недочеты и ошибки, встречающиеся в ее тексте. В ней, например, указано, что высота скалы, на которой высечена надпись, «семь метров от современного уровня почвы» (Yampolskiy 1950, 178), хотя на самом деле скала едва достигает половины такой высоты. Цифра в семь метров взята из статьи И. Джафарзаде, совершенно справедливо отметившего, что скошенный бок скалы, на котором высечена надпись, имеет форму треугольника с высотой в 7 м от вершины до лежащего на земле основания (Dzhafarzade 1948, 306). Непонятно, как З.И. Ямпольский, видевший эту скалу своими глазами, мог не заметить очевидного. Примеры подобного рода можно умножить.

⁴² Yampolskiy 1950, 177.

⁴³ El'nitskiy 1950, 188–197.

⁴⁴ El'nitskiy 1950, 193–194.

⁴⁵ Pakhomov 1949, 83–84.

у Каспийских ворот» и, словно чтобы окончательно запутать читателя, отметил, что надпись была найдена в 6 км от Баку⁴⁶. Возможно, эта цифра оказалась в тексте в результате опечатки, а на самом деле вместо шести должно было стоять 60⁴⁷.

Столкнувшись с проблемой локализации памятника, Ф. Гроссо, вместо того чтобы попытаться каким-нибудь образом установить точное местонахождение Гобустана, пошел по пути логических построений⁴⁸. Поскольку римский отряд должен был занимать стратегически важный пункт, а тот — находиться поближе к Дербентскому проходу, он предположил, «исходя из стратегических соображений», что гора Беюк-Даш расположена в 70 км к северу от Баку в районе современного азербайджанского поселения Кильязи, там, где отроги Кавказа близко подходят к берегу моря⁴⁹. Таким образом, предположение о локализации гобустанской надписи основано на предположении о характере информации, которую можно из нее извлечь.

Понимая, что союзная с Парфией Армения никогда бы не пропустила через свою территорию римский военный отряд, Ф. Гроссо предположил, что первоначально римский гарнизон на горе Беюк-Даш входил в вексилляцию XII легиона, расквартированную в Трапезунте⁵⁰. Оттуда римский отряд перешел в столицу Иберийского царства Мцхету, а несколькими годами позднее перебрался в Кавказскую Албанию и стал гарнизоном на горе

---

⁴⁶ *AE* 1951, 263, 75–76.

⁴⁷ В результате большинство западных исследователей считали, что гора Беюк-Даш находится недалеко от Дербентского прохода, некоторые помещали ее рядом с Баку, а Дж. Рейнолдс (Reynolds 1960, 209) — рядом с Кавказскими воротами, т.е. с Дарьяльским проходом, возможно, из-за того, что многие античные авторы называли его Каспийскими воротами (см. ниже, прим. 54).

⁴⁸ Возможно, отказ Ф. Гроссо и других западных исследователей от попыток связаться с советскими коллегами и уточнить местоположение Гобустана был обусловлен атмосферой холодной войны. Так, например, один из последователей Ф. Гроссо А.Б. Босуорт прямо заявил, что в советской публикации подлинное местонахождение горы Беюк-Даш было тщательно скрыто (Bosworth 1976, 75). Говоря о реорганизации восточной границы Рима в Малой Азии, он отмечает: «Тогда, как и теперь, зона боевых действий (military area) простиралась на Восток» (*ibid.* 63). Разумеется, обращаться за какими либо разъяснениями к тем, кого ты воспринимаешь только как потенциального противника, невозможно.

⁴⁹ Grosso 1954, 118, п. 1. Но даже и это место отнюдь не находится «напротив Албанских ворот»: от Кильязи до Дербента примерно 100 километров.

⁵⁰ Grosso 1954, 123–124, 129–131. Судя по найденной в современном Трабзоне латинской надписи (*CIL* III 6745), в Трапезунте действительно была расквартирована вексилляция XII легиона. Однако, как отметил сам Ф. Гроссо, эта надпись не датирована и может относиться к любому времени от 70 г.н.э. и до конца II в. (Grosso 1954, 136). По мнению Дж. Кроу, она относится к концу II или к III в. (Crow 1986, 80). Т.Б. Митфорд предполагает, что эта вексилляция оказалась в Трапезунте при Адриане (Mitford 1974, 163–164) и в любом случае не раньше II в. (Mitford 1980, 1186–1187); С.М. Перевалов считает, что эта надпись является более поздней, чем Аррианов «Перипл», созданный, как известно, в 130-е годы (Perevalov 2010, 307–308).

Беюк-Даш⁵¹. То, что римский военный отряд мог свободно передвигаться по территории Иберии и Кавказской Албании, объясняется тем, что эти государства, как предполагал Ф. Гроссо, находились под охраной Рима и наряду с гарнизоном на горе Беюк-Даш в них было немало других⁵².

Для обоснования своих предположений Ф. Гроссо привлек еще одну надпись, найденную в 1867 г. неподалеку от древней грузинской столицы Мцхеты. Это каменная плита с хорошо сохранившимся текстом на древнегреческом языке (*SEG* 20, 112 = *ILS* 8795). В надписи, датируемой 75 г. н.э., сообщалось, что Веспасиан, Тит и Домициан помогли иберийскому царю Митридату, «другу Цезаря» и «другу римлян» укрепить стены (по мнению большинства специалистов, имелись в виду стены крепости Гармозика, входившей в «защитный пояс» Мцхеты)⁵³. Гармозика держала под контролем подходы к расположенному в 30 км севернее Дарьяльскому проходу — самому удобному пути из северокавказских степей в Закавказье⁵⁴.

Ф. Гроссо постоянно проводит параллели между политикой, проводившейся в Закавказье Веспасианом и Домицианом и соответственно между крепостью Гармозикой и игравшей, по его мнению, аналогичную роль «крепостью» на горе Беюк-Даш⁵⁵. Между тем надпись из Гармозики свидетельствует лишь об участии римских инженеров в строительстве крепости и не дает никаких оснований предполагать наличие там римского гарнизона⁵⁶. А о «стратегической ценности» Гобустана и горы Беюк-Даш уже говорилось выше.

Разработанная Ф. Гроссо концепция римского военно-политического доминирования на Кавказе при Флавиях обосновывалась не столько свидетельствами источников (весьма скудными и почти всегда косвенными), сколько столь любимыми Ф. Гроссо общими стратегическими соображениями. Характерно, что, являясь известным эпиграфистом, Ф. Гроссо не уделил особого внимания самому памятнику, ставшему импульсом к разработке его концепции, ограничившись в основном изложением содержания довольно поверхностной и небрежной характеристики, данной З.И. Ямпольским, который не был специалистом по эпиграфике⁵⁷.

Статья Ф. Гроссо оказала большое влияние на западную историографию, посвященную этой тематике, и стала своеобразным отправным пунктом для более поздних исследователей. Они могли себе позволить полемизировать

---

⁵¹ Perevalov 2010, 307–308.

⁵² Grosso 1954, 136, 144, 162.

⁵³ Melikishvili 1959, 348–349; Tsereteli 1960, 123–133; Boltunova 1971, 213–222; Braund 1994, 227–229.

⁵⁴ Braund 1994, 46–47. Некоторые античные авторы называли его также Каспийскими воротами (Plin. *NH*. VI. 30; см. также Braund 2003, 188–189).

⁵⁵ Grosso 1954, 129–130, 132–133, 136, 138–141, 145, 147, 152–153.

⁵⁶ Braund 1991c, 50; 1994, 226–228.

⁵⁷ Разумеется, следует принять во внимание, что и сам памятник *in situ*, и посвященные ему работы азербайджанских ученых, опубликованные в местных изданиях, были недоступны Ф. Гроссо.

с его концепцией и ее аргументацией⁵⁸, но не игнорировать ее. Вместе с тем даже самые убежденные и последовательные критики (за одним-единственным исключением⁵⁹) не брали под сомнение не высказанный, но подразумеваемый главный тезис концепции Ф. Гроссо, заключающийся в том, что гобустанская надпись — это прямое свидетельство римского военного присутствия в Кавказской Албании при Домициане.

Более того, это убеждение только укрепилось, поскольку отныне почти все исследователи исходили из того, что гора Беюк-Даш представляла собой могучую крепость, занимавшую ключевую стратегическую позицию напротив Дербентского прохода. Разумеется, центурион, оставивший надпись у подножия этой горы, мог быть только командиром гарнизона этой крепости.

После публикации статьи Ф. Гроссо, в которой, казалось бы, можно было найти исчерпывающий ответ на все вопросы, восточная политика Рима при Флавиях и гобустанская надпись какое-то время почти не привлекали внимания западных ученых. Только Р. Сайм в своем кратком разборе политики Рима на Востоке мельком упомянул гобустанскую надпись, сославшись при этом на публикацию Гроссо. Он отметил, что после фактического отказа от Армении в результате достигнутого при Нероне компромисса Флавии могли использовать царства Иберия и Албания, чтобы контролировать Армению с тыла. У Веспасиана был форт в Гармозике — важном стратегическом пункте Иберии⁶⁰. Домициан же, судя по его взаимоотношениям с некоторыми народами внутренней Германии, знал, как оказывать дипломатическое влияние далеко за пределами любой римской границы⁶¹.

Под народами внутренней Германии имелись в виду лугии, которые в ответ на просьбу о помощи против напавших на них свевов получили от Домициана отряд в сотню всадников, т.е. не столько военную, сколько дипломатическую поддержку (Dio Cass. LVII. 5. 2)⁶². То, что Р. Сайм проводил параллель между этим рассказом Диона Кассия и гобустанской надписью, означает, что она была, на его взгляд, свидетельством не столько реального, сколько символического военного присутствия Рима в Кавказской Албании.

Как всегда, оригинальная и интересная гипотеза Р. Сайма о символическом военном присутствии Рима в Кавказской Албании выглядит убедительнее гипотезы Ф. Гроссо, но и она не дает ответа на все вопросы. Во-первых, непонятно, из чего следует, что Кавказская Албания была при Флавиях

---

⁵⁸ В научной литературе отмечалось пристрастие этого автора к чрезмерно вольной трактовке косвенных свидетельств источников, к чересчур смелым предположениям. Постепенно утвердилось представление о том, что к аргументации и выводам этой статьи следует относиться осторожно (Schieber 1976, 121–123; Jones 2002, 231, n. 52).

⁵⁹ Об этом исключении будет сказано ниже.

⁶⁰ То, что у Ф. Гроссо было всего лишь предположением, здесь трактуется как установленный факт. Это характерно и для многих более поздних исследователей.

⁶¹ Syme 1958, 237–238.

⁶² Syme 1958, 238, n. 2. В этой сноске упоминаются вместе рассказ Диона Кассия и гобустанская надпись.

союзником Рима. Кроме соответствующим образом истолкованной гобустанской надписи, никаких доказательств этому нет⁶³. Во-вторых, если римляне послали отряд к албанскому царю, то почему он оказался в Гобустане, а пунктом отправления была Мелитена, а не более удобная Сатала?

Интерес к политике Рима на Кавказе и к гобустанской надписи снова возродился в 70-е годы прошлого века в связи с первыми результатами начавшихся в это время археологических раскопок в Восточной Каппадокии⁶⁴, а также с широко распространенным увлечением проблемами «большой стратегии» Рима. Оно было вызвано выходом монографии известного американского политолога Э. Люттвака «Большая стратегия Римской империи с первого по третий век нашей эры»⁶⁵ и разразившимися после этого «яростными научными дебатами»⁶⁶.

Концепция Э. Люттвака, насколько я могу судить, не оказала прямого воздействия на содержание исследований, посвященных политике Рима на своих северо-восточных рубежах⁶⁷. Однако она стимулировала интерес исследователей к стратегическим аспектам римской внешней политики, а также к распределению и использованию римлянами военных сил, дислоцированных на границе и за ее пределами вовне. Работы по тематике этой статьи, вышедшие в основном в 70-е и 80-е годы, можно, условно говоря, отнести к «стратегическому» направлению. Они принадлежат главным образом к двум жанрам: к трудам по внешней политике Рима на Востоке в эпоху Флавиев и к исследованиям римской границы в эту же эпоху на северо-востоке римских владений⁶⁸.

Одним из первых и наиболее типичных авторов, принадлежавших к «стратегическому» направлению, был А.Б. Босуорт. По его мнению, Нерон после фактической потери Армении в 63 г.н.э. планировал поход против Иберии и Албании, подчинение которых давало возможность держать зависимую от парфян Армению под римским контролем⁶⁹.

Флавии переняли неосуществленные планы Нерона, но сумели реализовать их, не прибегая к завоеваниям. Они реорганизовали свою северо-восточную границу, включив в состав Каппадокии Галатию, Малую Армению и Колхиду и разместив там два легиона, связанных цепью фортов

---

⁶³ См. выше.

⁶⁴ См. Mitford 1974, 160–162.

⁶⁵ Luttwak 1976.

⁶⁶ Эта формулировка принадлежит М. Захариаде (цит. по Whittaker 2004, 29).

⁶⁷ Общую характеристику и критику концепции Э. Люттвака можно найти в следующих работах: Mann 1979, 175–83; Isaac 2000, 372–418; Whittaker 2004b, 27–49; Kagan 2006, 333–362; Le Bohec 2001, 223; Perevalov 2010, 301–302.

⁶⁸ По мнению К.Р. Уиттейкера (Whittaker 2004b, 27–28), именно благодаря работе Э. Люттвака исследователи римского пограничья обратились от накопления и интерпретации археологических и эпиграфических данных к их комплексному теоретическому осмыслению.

⁶⁹ Bosworth, 1976 73–74; 1977, 226.

и сетью стратегических дорог⁷⁰. Теперь у Рима и Иберии были общие границы. Можно предположить, что цари Иберии и Албании были запуганы и приняли римские войска якобы для защиты своих владений. Они остались у власти в качестве римских клиентов, но власть их была прекарной. Фактически кавказские царства стали придатком римской Каппадокии⁷¹. Доказательством этого является созванное Траяном летом 114 г. большое совещание закавказских и северокавказских царей и вождей⁷², на котором он в одних царствах утверждал старых правителей, а в других (в Кавказской Албании) назначал новых.

Отныне римские гарнизоны располагались в стратегически важных пунктах, позволявших держать под контролем главные проходы из северокавказских степей в Закавказье. Теперь римляне, а не цари Иберии и Албании при желании могли договориться с аланами и организовать их набеги на Парфию и Армению⁷³.

Таким образом, Флавии упрочили свою власть в Закавказье и с двух сторон окружили Армению цепью своих союзников и гарнизонов⁷⁴. К концу их правления Иберия и Албания были крепко встроены в римскую пограничную систему⁷⁵. Отныне Парфия оказалась полностью уязвимой с северо-запада. И хотя победа над ней, в конечном счете, принадлежит Траяну, но отличный трамплин для нее был создан при Веспасиане⁷⁶.

Аргументация предложенной А. Босуортом концепции, на мой взгляд, не выдерживает серьезной критики. Можно ли на самом деле предположить, что правители Иберии и Кавказской Албании были настолько запуганы двумя размещенными в Каппадокии легионами, что сдались на милость Рима? Да, в Элегейе они продемонстрировали свою покорность Траяну. Но, когда в 131 году Адриан посетил Каппадокию и попытался собрать в Сатале новое совещание кавказских правителей, иберийский царь Фарасман II «нагло пренебрег его приглашением»⁷⁷, не желая признавать свою зависимость от Рима. Отказался прибыть на это совещание и царь Кавказской

---

⁷⁰ Опираясь на замечание Светония (*Vesp.* VIII. 4), видевшего причину этой реорганизации в «постоянных набегах варваров» (*adsiduos barbarorum incursus*), исследователи, как правило, связывали появление двух легионов в Каппадокии с угрозой набегов аланов из северокавказских степей. А. Босуорт справедливо отметил, что аланы лишь дважды, насколько нам известно, нападали на римскую территорию — при Цезаре и при Адриане. Вряд ли эти нападения можно квалифицировать как «постоянные набеги» (Bosworth 1976, 67–69). При Флавиях, по его мнению, аланы выступали скорее союзниками, чем противниками Рима (Bosworth 1977, 220–221, 224).

⁷¹ Bosworth 1976, 74–75.

⁷² Rufius Festus *Brev.* XX. 2; Eutr. VIII. 2. 2: Albanis regem dedit, Hiberos, Bosphorianos, Colchos in fidem Romanae dicionis recepit.

⁷³ Bosworth 1976, 76–78; 1977, 227.

⁷⁴ Bosworth 1976, 76–78.

⁷⁵ Bosworth 1977, 227.

⁷⁶ Bosworth 1976, 78.

⁷⁷ SHA *Hadr.* XIII. 9: eius invitationem superbe neglexerit.

Албании (SHA. *Hadr.* XXI. 13)⁷⁸. Так же поступили и некоторые другие из приглашенных на встречу царей (SHA. *Hadr.* XIII. 9), причем все они остались безнаказанными.

Между тем в Каппадокии по-прежнему находилось два легиона, а численность войск, расквартированных в Колхиде на границе с Иберией, возможно, даже выросла по сравнению с эпохой Флавиев⁷⁹. Из этого ясно, что покорность кавказских правителей в Элегейе была связана с шестью легионами, собранными Траяном для вторжения в Армению⁸⁰. У Адриана же в Сатале не было под рукой столь убедительного аргумента. Очевидно, после ничейного окончания римско-парфянской войны и возвращения римских войск в места своей постоянной дислокации отношения между Римом и кавказскими правителями также вернулись к своему обычному состоянию, характерному для эпохи Флавиев. Иберия опять стала скорее союзником, чем вассалом Рима, а Кавказская Албания, формально сохраняя «дружбу» с Римом (SHA. *Hadr.* XXI. 13), фактически ориентировалась на Парфию⁸¹.

Основные аргументы Босуорта в пользу покорности правителей Иберии и Албании Флавиам связаны с его интерпретацией данных эпиграфики. Она представляется мне далеко небезупречной. Он отметил, что надпись из Гармозики, почти несомненно, свидетельствует о том, что эта важная крепость была построена римскими легионерами, и ими же был укомплектован ее гарнизон, подчинявшийся легату Каппадокии. Объясняя отсутствие в надписи упоминаний римских войск, Босуорт писал: «Дипломатический язык надписи не должен затемнять факта римского военного присутствия в Иберии»⁸². Непонятно в таком случае, почему дипломатический язык не применялся в Армении, цари которой при Марке Аврелии и Коммодe также поддерживали «дружеские отношения» с Римом⁸³.

Проводя вслед за Ф. Гроссо параллель между иберами и албанами, А. Босуорт указывает, что надпись, найденная на горе Бекюк-Даш, представлявшей собой созданную самой природой крепость, в 70 км к северу от Баку, позволяет утверждать, что римский гарнизон занимал ключевую стратегическую позицию, контролирующую дефиле Дербентского прохода⁸⁴. Такая

---

⁷⁸ Албаны к этому времени, как предполагает сам Босуорт, снова начинают ориентироваться на Парфию (Bosworth 1977, 229).

⁷⁹ Bosworth 1977, 229; Mitford 1974, 163.

⁸⁰ Mitford 1980, 1198; Chaumont 1976, 132.

⁸¹ Melikishvili 1959, 350–351; Chaumont 1976, 133; Braund 1994, 227–229; Panov 2008, 270–271. «В целом, отношение правителей Иберии, Албании и Колхиды к Риму строилось с учетом оценки римского могущества в закавказском регионе и перспективами извлечения выгод из более тесных контактов с римлянами» (Panov 2008, 273).

⁸² Bosworth 1976, 75.

⁸³ Оттуда дошли две строительные надписи этого времени (*ILS* 394; 9117), где прямо говорится об участии римских воинов во главе со своими офицерами и наместником Каппадокии в строительстве крепостных стен в армянской столице Валарашпат (совр. Эчмиадзин; Trever 1952, 262–263; Fyedorova 1982, 183, 186; Chaumont 1976, 149–150).

⁸⁴ Bosworth 1976, 74–75.

трактовка, как уже указывалось выше, основана на чересчур смелых предположениях и на недоразумении при локализации надписи, поэтому она также весьма уязвима⁸⁵.

По моему мнению, выдвинутая А. Босуортом концепция римского доминирования в Закавказье при Флавиях основана на односторонней и, по сути своей, ложной трактовке неоднозначных свидетельств наших источников.

Одновременно со статьей А. Босуорта и по схожей с ней тематике была опубликована монография А.С. Шибера⁸⁶. Она написана с тех же самых позиций, но при этом отличается немалым своеобразием и прежде всего непредвзятостью, более внимательным и осторожным отношением к работе с источниками и более критическим подходом как к трудам предшественников, так и к собственным построениям.

А. Шибер считает, что после фактической утраты Армении Рим переходит к новой политике на Кавказе, намеченной при Нероне, но разработанной до уровня унифицированной стратегической системы уже Веспасианом. Эта политика заключалась в окружении Армении на западе римскими владениями, а на севере и востоке союзными Риму государствами. С этой целью Веспасиан заключил союз с иберами, обеспечив себе контроль над Дарьяльским проходом и создав тем самым дамоклов меч, угрожающий обрушиться на Армению в случае даже самого легкого неодобрения со стороны Рима⁸⁷.

Домициан, по его мнению, продолжал политику Веспасиана и не только сохранил «дружеские отношения» с Иберией, но и добился с ее помощью установления римского контроля над Кавказской Албанией, а следовательно, и над Дербентским проходом. Это доказывает надпись, найденная у горы Беюк-Даш, расположенной в 4 км к западу от Баку⁸⁸. Римское подразделение во главе с центурионом Л. Юлием Максимом находилось у горы Беюк-Даш в самом сердце Кавказской Албании, чтобы обеспечить лояльность царя Албании⁸⁹.

Судя по этой надписи, при Домициане римские интересы защищали в Кавказской Албании римские войска. Означало ли это, что албанский царь стал царем-клиентом или что эта территория была захвачена Римом, определить невозможно, но последнее предположение гораздо более правдоподобно. Таким образом, Флавии восстановили полное римское господство на Кавказе, утраченное со смертью Тиберия. Владения Аршакидов были

---

⁸⁵ К тому же трудно представить себе, как несколько сотен солдат могли обвести оборонительными стенами и защищать крепость, расположенную на плато площадью в 5 км². Длина оборонительных стен такой крепости должна была насчитывать около 3 км.

⁸⁶ Schieber 1976.

⁸⁷ Schieber 1976, 89, 95.

⁸⁸ В отличие от Ф. Гроссо А. Шибер не читал статьи З.И. Ямпольского, а пользовался комментарием к надписи, опубликованной в «Эпиграфическом ежегоднике». Там же, как уже говорилось выше, указано, что гора Беюк-Даш находится в 6 км от Баку (*AE* 1951, 263, 75). В результате получилась двойная путаница.

⁸⁹ Schieber 1976, 94, 120–124.

снова окружены, и когда Траян отправился на войну с Парфией, не было угрозы контрудара на Кавказе⁹⁰.

Последний тезис представляется мне спорным. Сам Траян, видимо, и не подозревал об отсутствии такой угрозы. Ведь войну с Парфией он начал с оккупации Армении, превращения ее в римскую провинцию, а затем — проведения ряда мер с целью упрочения римского влияния в Закавказье и на Северном Кавказе (совещание в Элегейе). Когда же через год после начала военных действий он двинулся в Северную Месопотамию, то есть в парфянские владения, в Армении был оставлен гарнизон из трех легионов⁹¹.

А. Шибер сделал ряд верных наблюдений при работе с эпиграфическими свидетельствами. Так, например, он в отличие от других исследователей не проводил параллелей между надписью из Гармозики и надписью с горы Беюк-Даш. Он совершенно справедливо заметил, что первая из них была найдена в месте, имевшем важное стратегическое значение, но при этом не является свидетельством римского военного присутствия в Иберии. В нем не было необходимости, поскольку иберы находились в союзе с Римом. Вторая же надпись свидетельствует о пребывании римских войск в Кавказской Албании, но была найдена в месте, не имевшем никакого военного значения, достаточно далеко от Дербентского прохода. В ней нет ни единого намека на какие-либо укрепления. Видимо, подразделение XII легиона что-то там охраняло⁹².

Поскольку исходный тезис А. Шибера о надписи с горы Беюк-Даш как свидетельстве военного присутствия римлян в Кавказской Албании был, на мой взгляд, ложным, его непредвзятость и наблюдательность не пошли его концепции на пользу. Она лишена внешней стройности и связности, присущих концепции А. Босуорта. А. Шибер не мог не понимать, что на основании одной-единственной надписи с упоминанием центуриона, найденной в месте, не имеющем никакого военного значения, трудно прийти к выводу о том, что римские интересы защищали в Кавказской Албании римские войска, или предположить, что она была захвачена Римом. Поэтому он постоянно колеблется в своих оценках и нередко противоречит сам себе.

Так, например, в одном месте он утверждает, что, судя по этой надписи, римский военный пост был расположен около Дербентского прохода⁹³, а в другом — что Дербентский проход находился значительно севернее горы Беюк-Даш и поэтому упомянутая в надписи военная часть не могла его охранять⁹⁴. На одной странице он указывает, что Юлий Максим во главе своего подразделения должен был обеспечить не более и не менее как лояльность

---

⁹⁰ Scheiber 1976, 124–125.

⁹¹ Судя по надписям (*AE* 1968, 510–511), в одной лишь Арташате находились IV Скифский легион и вексиляции из I Италийского и VI Ферраты (Arakelyan 1960, 115–116; Chaumont 1976, 137; Bosworth 1983, 267, n. 12).

⁹² Schieber 1976, 124–125.

⁹³ Schieber 1976, 94.

⁹⁴ Schieber 1976, 124.

албанского царя⁹⁵, а на следующей — что этот отряд охранял что-то в Албании, но не Дербентский проход⁹⁶. Свой конечный вывод о восстановлении Флавиями полного римского господства на Кавказе и окружении их союзниками и их войсками владений Аршакидов⁹⁷ он сам же ставит под сомнение, назвав это окружение «непрочным»⁹⁸. В результате интересная, хотя и не свободная от ошибок и противоречий, работа А. Шибера не получила в историографии заслуженного отклика, а его во многом верные конкретные наблюдения долгое время оставались невостребованными.

Традиционный подход в духе «большой стратегии», но в своеобразном варианте, представлен в работах известного британского археолога Т.Б. Митфорда⁹⁹. Ее особенность заключается в том, что в отличие от большинства своих предшественников он считает главной угрозой для римских владений на востоке при Флавиях не Парфию с зависимой от нее Арменией, а племена аланов, кочевавших в северокавказских степях.

Т. Митфорд полагает, что уже после кампаний Корбулона в Армении стала очевидной необходимость постоянного гарнизона в Каппадокии. Однако главная опасность была скорее на севере, чем на востоке. Веспасиан, вероятно, осуществляя планы Нерона, стремился взять под контроль проходы, ведущие через Кавказский хребет. В Гармозике он построил оборонительные стены, что подразумевает размещение римского гарнизона, который должен был обеспечить добросовестную охрану северной границы иберийским царем. Эта крепость должна рассматриваться как интегральная часть пограничной системы, созданной Веспасианом для борьбы с набегами аланов¹⁰⁰.

Возможно, в продолжение политики Веспасиана Домициан расположил центуриона с подразделением из XII Громобойного легиона в таком месте, которое позволяло контролировать южный выход из Каспийских ворот. Не исключено, что какая-то деятельность имела место в Центральном Азербайджане около северного рукава Куры, хотя никаких важных проходов через Кавказский хребет там не было. О ней можно судить на основании надписи, найденной у плато Бююк-Даш в 44 милях к юго-западу от Баку и в двух милях от Каспийского моря¹⁰¹. По мнению Т. Митфорда, какие-то военные действия, возможно, имели место на Кавказе в 91/92 гг. И это обеспечивает контекст, в котором центурион мог взять под контроль Каспийские ворота. Ведь, согласно Моисею Хоренскому, Домициан потерпел поражение в Армении¹⁰².

Концепция Т. Митфорда при всей своей схожести со «стратегическими» построениями современных ему историков несет на себе отпечаток

---

⁹⁵ Schieber 1976, 124.

⁹⁶ Schieber 1976, 125.

⁹⁷ Schieber 1976, 125.

⁹⁸ Schieber 1976, 96.

⁹⁹ Mitford 1980, 1169–1228, 2018, 562–563.

¹⁰⁰ Mitford 1980, 1192–1193.

¹⁰¹ Mitford 1980, 1193–1194, n. 57.

¹⁰² Mitford 1980, 1194.

некоторого архаизма. Представление об аланах как главной угрозе римским владениям при Флавиях было отвергнуто многими историками древнего Рима после работ А. Босуорта. Оценка римских крепостей, контролирующих главные проходы через Кавказский хребет, как передовой линии римской пограничной обороны, защищавшей не только римские владения, но также армянские и парфянские¹⁰³, находится в полном разладе с современными ему, да и нам самим, представлениями о римско-парфянских отношениях при Флавиях¹⁰⁴.

Наконец, признание достоверности свидетельства Моисея Хоренского о поражении Домициана в Армении противоречит не только позиции по этому вопросу почти всех историков древнего Рима, но и концепции самого Т. Митфорда.

Венцом этой концепции является трактовка надписи, найденной у горы Беюк-Даш. С одной стороны, Т. Митфорд первым из западных исследователей дал правильную локализацию горы Беюк-Даш, указав, что она находится не к северу и не к западу, а к юго-западу от Баку¹⁰⁵. С другой стороны, это замечательное открытие привело к раздвоению Каспийских ворот. Наряду с Дербентским проходом роль преграды на пути северных кочевников на юг, по его мнению, играл проход мимо горы Беюк-Даш. Он считает, что именно этот проход имел в виду Тацит, упоминая *claustra Caspiarum* как главную цель задуманного Нероном восточного похода (*Hist.* I. 6). И именно эту стратегически важную позицию контролировал отряд во главе с Юлием Максимом¹⁰⁶. Удвоение Каспийских ворот не находит подтверждения ни в географии, ни в источниках.

Очень близка статье Митфорда 1980 г. и по тематике, и по содержанию вышедшая одновременно с ней статья историка Э. Дабровы¹⁰⁷, но у этого автора не встречаются столь явные противоречия. Надпись, найденную у горы Беюк-Даш, он упоминает лишь мельком, хотя и делает на основании этого упоминания далеко идущие выводы о сходстве политики Домициана и Веспасиана¹⁰⁸.

В более поздней статье Э. Дабровы политика Флавиев в Закавказье характеризуется более в духе А. Босуорта, чем Ф. Гроссо и Т. Митфорда¹⁰⁹. В этой

---

¹⁰³ Т. Митфорд (Mitford 1980, 1193) отметил, что после постройки в 75 г.н.э. крепости в Гармозике Веспасиан считал это достаточной помощью против набегов аланов и поэтому в следующем году с легкой душой отказался прислать парфянскому царю Вологезу вспомогательное войско для борьбы с аланами.

¹⁰⁴ Об этом будет сказано ниже.

¹⁰⁵ К сожалению, он не указал, на основании каких данных он дает эту локализацию. Поэтому его открытие осталось незамеченным.

¹⁰⁶ Mitford 2018, 562.

¹⁰⁷ Dabrova 1980, 379–388.

¹⁰⁸ Dabrova 1980, 388, п. 67 — в этом примечании он ссылается и на саму надпись, и на статью Ф. Гроссо. Возможно, он считает, что после этой статьи нет необходимости давать собственную интерпретацию.

¹⁰⁹ Dabrova 1989, 67–76.

статье он уже более осторожно, чем раньше, трактует вопросы об угрозе римским владениям со стороны аланов и о пребывании римского гарнизона в Гармозике. Но его общие выводы от этого не меняются. Кроме того, в ней он дает достаточно беглую, но весьма характерную для сторонников «стратегического» направления интерпретацию надписи, найденной у горы Беюк-Даш. В ней, по его мнению, засвидетельствовано пребывание солдат XII Громобойного легиона в месте ее находки, а это, в свою очередь, означает, что Флавиусы первыми из римлян покорили Кавказскую Албанию и установили свой контроль над всем Закавказьем¹¹⁰.

Можно только поражаться смелости этой интерпретации, ведь в надписи не упомянут ни один римский солдат. Но даже если предположить, что фигурирующий в ней центурион имел под своей командой одну или несколько сотен солдат, то как они могли покорить страну, способную выставить на поле боя несколько десятков тысяч воинов? Эти вопросы в статье Э. Дабровы остались без ответа.

К 90-м годам прошлого века работы, написанные в русле традиционного «стратегического» направления, встречаются все реже. Одним из последних примеров такого рода является глава монографии Б. Джонса, посвященная восточной политике Домициана¹¹¹.

По его мнению, Домициан в своей восточной политике следовал курсом Веспасиана. Эта политика была ответом на переход Армении в зависимость от Парфии по условиям Рандейского мира. Цель ее состояла в том, чтобы исключить дальнейшее усиление Парфии. Для этого укреплялась северо-восточная граница Рима, аннексировались буферные клиентские царства и развивались новые отношения зависимости с царями иберов, гирканов и албанцев, чьи владения должны были окружить Армению и Парфию и лишить их возможности угрожать Риму¹¹².

Строительство римлянами имевшей важное стратегическое значение крепости в Гармозике и именование иберийского царя другом цезаря и Рима свидетельствует о полном успехе политики Веспасиана в Иберии. Успех политики Домициана по отношению к Кавказской Албании доказывает надпись, найденная у горы Беюк-Даш. Эта надпись зафиксировала присутствие подразделения XII Громобойного легиона в важном стратегическом пункте, контролирующем Дербентский проход. Присутствие римской военной части в самом сердце Албании — это твердое доказательство того, что Албания, так же как и Иберия, была в сфере римского влияния. Домициану приходилось держать отдельные воинские части в Иберии и Албании, но только для охраны проходов¹¹³. Таким образом, Домициан завершил окружение Парфии. Благодаря этому он мог не опасаться ухудшения отношений с ней, ведь римский контроль над Кавказом был столь твердым, как никогда¹¹⁴.

---

¹¹⁰ Dabrova 1989, 72.

¹¹¹ Jones 2002.

¹¹² Jones 2002, 155–157.

¹¹³ Jones 2002, 155–157, 159.

¹¹⁴ Jones 2002, 156, 159.

Странно только, что парфяне об этом не догадывались. Иначе они бы не стали поддерживать в 88 или 89 г. очередного Лженерона, рискуя из-за этого ухудшить отношения с Римом (Suet. *Ner.* LVII. 2)¹¹⁵. Концепции римского господства в Закавказье, созданной Б. Джонсом на основе более ранних образцов¹¹⁶, присущи не только их общие недостатки (и прежде всего натяжки и произвол в трактовке источников), но и свои собственные, и в первую очередь невнимание к новым данным и к новым идеям, подрывающим старые схемы.

В 1983 г. искусствовед и археолог из ГДР Р. Хайденрайх, посетивший Гобустан и осмотревший и саму надпись, и гору Беюк-Даш, опубликовал маленькую заметку, которая, если бы на нее обратили внимание, могла бы заставить по-новому интерпретировать гобустанскую надпись¹¹⁷. Он указал, что гора Беюк-Даш находится в 70 км не к северо-востоку от Баку, а к юго-западу¹¹⁸. Также он отметил, что на вершине горы Беюк-Даш нет подходящего места для размещения римского гарнизона и что никаких находок римского происхождения (ни монет, ни ламп) не обнаружено в этой местности¹¹⁹. Очевидно, нет никаких оснований утверждать, что римские войска продвигались когда-нибудь так далеко¹²⁰.

Таким образом, непредвзятый наблюдатель благодаря знакомству с памятником *in situ* показал ложность одного из основных постулатов гипотезы о пребывании римских войск в восточной части Закавказья в конце I в. и поставил под сомнение другие ее постулаты, настолько укоренившиеся, что в представлении исследователей они незаметно приобрели статус твердо доказанных фактов.

Немалое влияние на интерпретацию гобустанской надписи оказала вышедшее в 1990 г. первое издание новаторской монографии Б. Айзека «Пределы империи. Римская армия на Востоке», заставившая современных исследователей пересмотреть многие устоявшиеся стереотипные представления о римской внешней политике, стратегии и роли римской армии в эпоху Империи¹²¹. Флавию, по мнению Б. Айзека, не разделяли грандиозных

---

¹¹⁵ О поддержке парфянами Лженерона в правление Домициана см. Jones 2002, 158–159.

¹¹⁶ Особенно заметно влияние Ф. Гроссо и А. Босуорта, на труды которых он чаще всего и ссылается.

¹¹⁷ Heidenreich 1983, 213–214.

¹¹⁸ Из этого места никак нельзя контролировать Дербентский проход, расположенный примерно в 250 км к северу, и, следовательно, оно не имеет особой стратегической ценности.

¹¹⁹ Он указал, сославшись на книгу советского археолога А.Л. Монгайта, что в Бакинском историческом музее из 1926 найденных при раскопках предметов, относящихся к этой эпохе, только три стеклянных сосуда имеют римское происхождение. И найдены они были в столице Албании Кабале достаточно далеко от Гобустана (Heidenreich 1983, 214, Nr 5).

¹²⁰ Heidenreich 1983, 214.

¹²¹ О концепции Б. Айзека и ее воздействии на наши представления см. Whittaker 2004b, 28; Kagan 2006, 339–340.

завоевательных планов Нерона в отношении Закавказья. Об их деятельности в этом регионе свидетельствуют надписи из Мцхеты (Гармозики) и с горы Беюк-Даш¹²².

Эти надписи показывают, что римские войска изредка отправлялись в регион, который в другое время оставался на самом краю империи. На их основании нельзя, подобно А. Босуорту, сделать вывод, что Флавии «упрочили свою власть в Закавказье». Ведь расстояние между Каспийским и Черным морями около 600 км, и если бы римляне действительно упрочили свою власть на столь обширной территории, они оставили бы больше чем две надписи. Нерон, несомненно, пытался добиться именно этого. Флавии же вели себя иначе. Они распространяли римское влияние в этом регионе, не инвестируя в него слишком много¹²³.

Подводя итоги римской активности в Закавказье в эпоху Ранней империи, Б. Айзек приходит к выводу, что интересы римлян в этом регионе в основном ограничивались Колхидой с расположенными там стоянками флота. Римское присутствие в Закавказье не было связано с проходами через Кавказский хребет и с защитой против варварских нашествий. Эту защиту осуществляли народы Закавказья. Иберия представляла для римлян незначительный интерес, хотя она и может рассматриваться как вассальное государство. И весь этот регион не был вовлечен в борьбу между Римом и Парфией¹²⁴.

Таким образом, Б. Айзек совершенно справедливо отметил противоречия, преувеличения и нестыковки у сторонников «стратегического» направления. Он указал на их главную слабость — несоответствие очень хрупкого и ненадежного фундамента возведенным на нем могучим постройкам. Вместе с тем его общие выводы о значении Закавказья для римской политики и стратегии представляются мне весьма спорными.

Трудно согласиться с тем, что в эпоху Принципата Иберия и проходы через Кавказский хребет представляли для римлян незначительный интерес. Надпись из Гармозики (Мцхета) свидетельствует, что Веспасиан прислал иберийскому царю для постройки крепости, охранявшей подступы к Дарьяльскому проходу, своих инженеров и/или мастеров. А это была очень редкая и ценная привилегия¹²⁵.

Непонятно также, на чем основан вывод об отсутствии вовлечения Закавказья в борьбу между Римом и Парфией. Армения, как известно, была яблоком раздора между двумя державами¹²⁶, и без нее не обходилась почти ни одна война между ними. Да и Иберия с Кавказской Албанией в 35 г.н.э.

---

¹²² Он совершенно верно отмечает, что она расположена в 70 км к югу от Баку, ссылаясь при этом не на Р. Хайденрайха, а на комментарий к изданию надписи в *AE* (1951, 263), в котором ничего подобного не указано (Isaac 2000, 44, n. 169). Остается только гадать, как он на самом деле установил правильную локализацию.

¹²³ Isaac 2000, 44–45.

¹²⁴ Isaac 2000, 50, 229.

¹²⁵ Braund 1991a, 422; 1991c, 50–51; 1994, 229–231.

¹²⁶ “Armenia was... a cause of hostilities” (Isaac 2000, 229).

принимали активное участие в римско-парфянском конфликте¹²⁷ и помогли Риму добиться своей цели, не прибегая к военным действиям.

После выхода в свет монографии Б. Айзека специальных трудов, принадлежащих к традиционному «стратегическому» направлению, в зарубежной историографии больше не появляется, но в работах общего характера еще можно обнаружить его следы. Так, например, М. Байс приводит надпись Юлия Максима как свидетельство «римского военного присутствия», но при этом отмечает, ссылаясь на статью Хайденрайха, что уточненная локализация надписи и отсутствие римского археологического материала позволяют сомневаться в том, насколько римское присутствие имело “*reale consistenza*”. Затем, однако, он возвращается к изложению взглядов Дабровы и Босуорта¹²⁸. Это лишний раз свидетельствует о том, что преодолеть сложившуюся в историографии инерцию не так-то просто.

Новые представления о римской границе и римской стратегии при Флавиях и Антонинах четко и ясно изложены К.Р. Уиттейкером¹²⁹, одним из ведущих современных специалистов по римскому пограничью. Вслед за Б. Айзеком он убедительно полемизирует с выдвинутой Э. Люттваком концепцией о наступлении этапа стратегической обороны на передовых рубежах при Флавиях, Антонинах и Северах и о создании научно выверенных постоянных оборонительных границ. Он согласен с общим выводом Л. Февра о том, что вплоть до XIX века границы были не линиями, а зонами экономического, социального и культурного взаимодействия. Римские пограничные рубежи намечались, исходя из предположения, что власть Рима простирается далеко за рамки административных границ¹³⁰. В связи с этим К.Р. Уиттейкер уделяет особое внимание римским воинам, служившим за пределами этих границ.

В частности он отмечает, что имеется больше свидетельств об армии при Флавиях за пределами Евфрата и пути вдоль Понта, чем на них самих. Так, в Азербайджане надпись фиксирует пребывание подразделения легионеров, наблюдавших за Каспийским морем, в 1600 км от их базы в Мелитене. Другое подразделение было размещено у Кавказских ворот, где у южного выхода из Дарьяльского прохода была построена стена для иберийского царя¹³¹.

Так же, как и многие другие исследователи, считающие надписи из Гармозики и с горы Беюк-Даш свидетельством римского военного присутствия в Закавказье, К.Р. Уиттейкер отождествляет собственные предположения с твердо установленными фактами. Однако в отличие от своих предшественников он уже не может утверждать, что гора Беюк-Даш занимала стратегически важную позицию, а воины, стоявшие там гарнизоном, контролировали Дербентский проход. В связи с этим ему приходится объяснять, зачем им надо было наблюдать за Каспийским морем. Он дает два варианта

¹²⁷ Сам Б. Айзек упоминает этот эпизод в своей работе (Isaac 2000, 43).

¹²⁸ Bais 2001, 89–91, n. 369.

¹²⁹ Whittaker 2008, 293–319.

¹³⁰ Whittaker 2008, 314–315.

¹³¹ Whittaker 2008, 309.

такого объяснения: 1) судя по поэме Стация, Домициан готовил экспедицию по Араксу до Каспийского моря, а оттуда — в Индию и на Дальний Восток; 2) Колхида и Кавказ были взяты под контроль, чтобы воспрепятствовать пиратству, угрожавшему подвозу продовольствия по Черному морю для римских легионов¹³².

Трудно сказать, какое из этих объяснений менее убедительно. Разумеется, невозможно бороться с черноморскими пиратами, не наладив наблюдения за Каспийским морем. И, конечно же, самым насущным делом для Домициана, занятого тяжелейшими войнами на Дунае и внутренними смутами, был поход в Индию и Китай¹³³.

Вышедшая недавно монография А.Р. Панова является последней из известных мне работ, в которой надпись из Беюк-Даш интерпретируется в духе традиционного «стратегического» направления. В своей трактовке внешней политики и стратегии Флавиев А.Р. Панов стремится одновременно использовать как концепцию Э. Люттвака, так и взгляды его оппонентов. Он отмечает, что если при Юлиях-Клавдиях стратегия Римской империи была преимущественно наступательная, то политика Флавиев отличалась большей сдержанностью, хотя официально о переходе к обороне еще не объявлялось. В связи с этим войска вдоль границ стали распределяться более равномерно, и постоянное размещение гарнизонов в выдвинутых вперед зависимых государствах стало практиковаться гораздо чаще. Клиентские государства играли роль первого пояса обороны, и одновременно укреплялся или создавался второй пояс, охватывавший провинциальные земли¹³⁴.

На северо-востоке Флавии, для того чтобы сдерживать противников Рима в Закавказье (т.е. Парфию и Армению), ориентировались на аланов, а также на Иберию и Албанию, контролировавшие главные проходы через Кавказский хребет. Они стремились к расширению военного присутствия Рима в этих государствах. Об этом нам сообщают надписи из Гармозики и с горы Беюк-Даш. Судя по первой из них, в 74 г.н.э. римские инженеры укрепили стены крепости в Гармозике для царя Иберии Митридата. А беюк-дашская надпись свидетельствует об интересе Домициана к самым отдаленным землям в орбите римского влияния и указывает на пребывание римских воинов на территории Албании¹³⁵.

Учитывая, что место пребывания римского отряда в Албании имело не меньшее стратегическое значение, чем положение Гармозики, можно предположить, что в обоих случаях римляне преследовали сходную цель:

---

¹³² Whittaker 2008, 309.

¹³³ Ни один другой историк древнего Рима не принимает всерьез льстивые стихи Стация. По меткому замечанию Б. Джонса, «внешняя политика, возможно, и делалась при дворе, но не придворными поэтами» (Jones 2002, 159). С другой стороны, стихи о походе на восток, принадлежавшие хорошо осведомленному придворному поэту, возможно, свидетельствуют о подготовке римлян к оборонительной войне с парфянами, строившими планы нападения на Рим.

¹³⁴ Panov 2008, 179.

¹³⁵ Panov 2008, 180—181.

поставить под свое наблюдение кавказские проходы и таким образом контролировать перемещения местных племен, допуская или сдерживая их агрессию в направлении южных земель. Дружеские связи с Иберией несомненно продолжали поддерживаться, и, таким образом, используя Иберию, Албанию и северные племена, прежде всего, аланов, Домициан был способен сдерживать возможные антиримские поползновения со стороны парфяно-армянского союза¹³⁶.

Концепция А.Р. Панова очень близка к тем, которые встречаются в работах, принадлежащих к «стратегическому» направлению, но в наше время выглядит как явный анахронизм. Ведь старая локализация горы Беюк-Даш давно уже отвергнута учеными. И современным исследователям ясно, что эта гора не имела стратегического значения и не давала возможности контролировать Дербентский проход. При Флавиях не известно ни одной антиармянской акции римлян, в которой принимала бы какое-то участие Албания. Наконец, нет ни одного прямого свидетельства римского военного присутствия в Иберии и Албании при Флавиях, если только не рассматривать как таковое пребывание в этих странах нескольких римских инженеров и одного центуриона. Невнимательное отношение к столь важным источникам¹³⁷ и игнорирование новейшей литературы сыграли с автором интересной в целом монографии злую шутку.

Таким образом, на мой взгляд, интерпретация гобустанской надписи как свидетельства римского военного присутствия в Кавказской Албании в настоящее время морально устарела, хотя у нее по-прежнему остается немало сторонников. Поэтому стоит рассмотреть альтернативные гипотезы.

Насколько мне известно, автором первой из них был советский исследователь О.В. Кудрявцев. В работе, адресованной широкому читателю, он отмечает, что на основании надписи, найденной у горы Беюк-Даш, делали предположение о пребывании в Албании римских войск. Но гораздо более вероятно, что поставивший надпись центурион побывал в Албании с какой-то дипломатической миссией; для переговоров с царями и народами Востока римские полководцы обычно посылали именно центурионов¹³⁸. Гипотеза О.В. Кудрявцева мне также представляется более вероятной, чем гипотеза о военном присутствии. Но непонятно, как Л. Юлий Максим на пути из Мелитены в столицу какого-либо закавказского государства, Атропате-ны или Гиркании, либо на обратном пути мог оказаться у горы Беюк-Даш.

Особый интерес представляют наблюдения и выводы историка древнего Рима и археолога Д. Браунда, занимающегося наряду с прочим историей Северного Причерноморья и Закавказья в древности. В отличие от большинства своих западных коллег он хорошо знаком с научной литературой

---

¹³⁶ Panov 2008, 182.

¹³⁷ Характерно, что А.Р. Панов ни разу не указывает, в каких эпиграфических сборниках были изданы надписи из Гармозики и с горы Беюк-Даш и не приводит ни одной связанной с этими памятниками конкретной детали (Panov 2008, 180, прим. 3; 181, прим. 4).

¹³⁸ Kudryavtsev 1956, 691.

на русском и грузинском языках и сумел посетить и осмотреть те местности и памятники, о которых он пишет. Очевидно, у него уже достаточно давно сложилось критическое отношение к интерпретации гобустанской надписи как свидетельства о римском военном присутствии в Кавказской Албании. В опубликованной в 1984 г. монографии «Рим и дружественный царь: характер клиентской царской власти» он перечисляет все известные случаи, когда римляне присылали воинские подразделения зависимым от них царям, но при этом ни словом не упоминает гобустанскую надпись¹³⁹.

В 1991 году, комментируя находку надписей в пещере Кара-Камар (Средняя Азия), он предупреждал, что следует очень осторожно относиться не только к чтению, но и к интерпретации этих надписей. Ведь даже бакинский текст, не представлявший особых трудностей при чтении, вызвал шквал умозрительных предположений, был придуман римский форт, а Флавиям приписали грандиозные стратегические планы¹⁴⁰.

В том же году на русском и английском языках вышли его заметки, посвященные уточнению отдельных моментов, касающихся истории и географии Восточного Причерноморья и Закавказья¹⁴¹.

Говоря о надписях из Гармозики и с горы Беюк-Даш, он отметил, что нет никаких оснований расценивать работы в Гармозике как проявление римского господства, и даже оккупации. В надписи, скорее всего, речь идет о присылке Веспасианом инженеров дружественному иберийскому царю. Нет оснований также выводиться из надписи, найденной у горы Беюк-Даш, присутствие римских войск в Дербентском проходе. В ней говорится о пребывании в этой местности римского центуриона, а гора Беюк-Даш находится в 250 км от Дербентского прохода. Археологические исследования в этой местности не выявили никаких следов римской оккупации. Упомянутый в надписи центурион мог быть частью римского военного отряда, но, возможно, если вспомнить о прецедентах, он был инструктором албанской армии или разведчиком¹⁴². Д. Браунд первым оценил по достоинству значение сделанного Р. Хайденрайхом уточнения¹⁴³.

В публикации, появившейся в 2002 г. после поездки Д. Браунда в Азербайджан и изучения гобустанской надписи *in situ*, он внес в свою интерпретацию этого памятника ряд важных уточнений и дополнений. Эта надпись, по его наблюдению, не вырезана, а процарапана на манер граффити. Рядом с ней нет ни малейшего намека на какое-нибудь укрепление. Все это заставляет предположить, что граффити было делом рук какого-нибудь путешествующего посетителя, а не обосновавшегося там отряда. Особенно следует учесть то, что этот путешественник был центурионом, ведь эти люди, видимо, нередко рассматривались как подходящие участники разведывательных экспедиций. Возможно, присутствие центуриона-разведчика

---

¹³⁹ Braund 1984, 94–95.

¹⁴⁰ Braund 1991b, 189.

¹⁴¹ Braund 1991a, 419–423; 1991c, 34–52.

¹⁴² Braund 1991a, 422; 1991c, 50–52.

¹⁴³ Braund 1991c, 52.

свидетельствует о грандиозном плане Домициана, связанном с Кавказом, а может быть, о постепенном римском проникновении сначала в Северное Причерноморье, а затем и на Кавказ¹⁴⁴.

На мой взгляд, гипотеза Д. Браунда дает возможность найти удовлетворительные ответы на те вопросы, которые были камнем преткновения для сторонников теории римского военного присутствия в Кавказской Албании. Она лучше всего соответствует эпиграфическим особенностям, отмеченным К.В. Тревер¹⁴⁵. При сегодняшнем уровне наших знаний она может рассматриваться как наиболее вероятная. Вместе с тем она сама по себе порождает новые вопросы. Зачем Домициан, занятый борьбой с опасными врагами на Дунае и еще более опасными — в римском сенате и в своем собственном окружении, послал разведчика в далекую страну, не имевшую с Римом ни общих границ, ни почти никаких политических, торговых и культурных связей?¹⁴⁶ Зачем разведчик-нелегал оставил на самом видном месте для сведения любого прохожего разоблачающую его надпись?¹⁴⁷

Здесь можно лишь строить более или менее убедительные предположения. Не стоит слишком далеко заходить по этому увлекательному пути. Интерпретации гобустанской надписи как свидетельства римского военного присутствия в Закавказье демонстрируют, насколько легко строятся грандиозные замки не только на песке, но даже на отдельной песчинке.

Литература /References

- Arakelyan, B.N. 1971: [Latin inscriptions from Artashat, capital of ancient Armenia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 114–118.
Аракелян, Б.Н. Латинские надписи из столицы древней Армении — Арташаты. *ВДИ* 4, 114–118.
Bais, M. 2001: *Albania caucasica. Ethnos, storia, territorio attraverso le fonti greche, latine e armenie*. Milano.
Bokshchanin, A.G. 1966: *Parfiya i Rim (issledovanie o razvitii mezhdunarodnykh otnosheniy pozdnego perioda istorii antichnogo mira). Ch. II. Sistema politicheskogo dualizma v Perdney Azii*

---

¹⁴⁴ Braund 2003, 189–190.

¹⁴⁵ См. выше прим. 9.

¹⁴⁶ Надо иметь в виду, что в древнем Риме не было ни особого разведывательного ведомства, ни обыкновения — регулярно собирать и анализировать разведывательную информацию. Разведчиков посылали куда-либо только в связи с конкретными планами или угрозами, да и то далеко не всегда (Millar 2002, 182–183, 187; Isaac 2000, 402). Может быть, миссия Юлия Максима была связана не с планами наступления на Парфию и Закавказье, а с подготовкой к оборонительной войне против Парфии (см. выше прим. 133). В этом случае целью его путешествия мог быть Дербентский проход.

¹⁴⁷ Возможно, Юлий Максим тяжело заболел и, умирая, приказал своим спутникам высечь эту надпись, адресованную потомкам как доказательство того, что он первым из римлян добрался к Гирканскому морю — одному из восточных пределов orbis terrarum, по представлениям того времени (упоминание Домициана может рассматриваться в числе прочего как хронологический указатель, свидетельствующий о приоритете Юлия Максима). В этом случае выход из тени уже не имел никакого значения.

- [*Parthia and Rome (Research of Evolution of International Relations in the Late Period of the Ancient World History. P. II. System of the Political Dualism in the Near East)*]. Moscow. Бокшанин, А.Г. *Парфия и Рим (исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира). Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии*. М.
- Bosworth, A.B. 1976: Vespasian's reorganization of the North-East frontier. *Antichthon* 10, 63–78.
- Bosworth, A.B. 1977: Arrian and the Alani. *Harvard Studies in Classical Philology* 81, 217–255.
- Bosworth, A.B. 1983: Arrian at the Caspian Gates: a study in methodology. *The Classical Quarterly* (New Series) 33, 1, 265–274.
- Boltunova, A.I. 1971: Quelques notes sur l'inscription de Vespasien trouvée à Mtskheta. *Klio* 53, 213–222.
- Braund, D. 1984: *Rome and the Friendly King: the Character of the Client Kingship*. London–Canberra–New York.
- Braund, D. 1991a: Roman and native in Transcaucasia from Pompey to Successianus (1st cent. B.C. to 3rd cent. A.D.). In: V.A. Maxfield, M.I. Dobson (eds.), *Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies*. Exeter, 419–423.
- Braund, D. 1991b: New "Latin" inscriptions in Central Asia: Legio XV Apollinaris and Mithras? *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 89, 188–190.
- Braund, D. 1991c: [The Roman presence in Colchis and Iberia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 34–52.
- Браунд, Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии. *ВДИ* 4, 34–52.
- Braund, D. 1994: *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC–AD 562*. Oxford.
- Braund, D. 2003: Notes from the Black Sea and Caucasus: Arrian, Phlegon, and Flavian Inscriptions. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 9, 3–4, 175–191.
- Campbell, D.B. 2006: *Roman Legionary Fortresses 27 B.C. — A.D. 378*. Oxford–New York.
- Chaumont, M.-L. 1976: L'Arménie entre Rome et L'Iran. I. De l'avènement d'Auguste à l'avènement de Dioclétien. In: H. Temporini (ed.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd II. 9. 1. Berlin–New York, 71–194.
- Crow, J. 1986: A review of the physical remains of the frontier of Cappadocia. In: P. Freeman, D. Kennedy (eds.), *The Defence of the Roman and Byzantine East: Proceedings of a Colloquium Held at the University of Sheffield in April 1986*. Vol. I. Oxford, 77–91.
- Dabrova, E. 1980: Le limes anatolien et la frontière caucasienne au temps des Flaviennes. *Klio* 62, 379–388.
- Dabrova, E. 1989: Roman policy in Transcaucasia from Pompey to Domitian. In: D.H. French, C. Lightfoot (eds.), *The Eastern Frontier of the Roman Empire: Proceedings of a Conference at Ankara in September 1988*. (British Institute of Archaeology at Ankara Monograph 11; BAR International Series 553). Oxford, 67–76.
- Dzhafarzade, I.M. 1948: [Ancient Latin inscription at the foot of the mountain Beyuk-Dash]. *Doklady Akademii Nauk Azerbaydzhanskoy SSR* [Reports of the Academy of Sciences of Azerbaydzhani SSR] 4–7, 304–311.
- Джафарзаде, И.М. Древне-латинская надпись у подошвы горы Бейук-Даш. *Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР* 4–7, 304–311.
- El'nitskiy, L.A. 1950: [The Northern Black Sea notes (On the trails of the new publications and researches)] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 188–197.
- Ельницкий, Л.А. Северопричерноморские заметки (По следам новых публикаций и исследований). *ВДИ* 1, 188–197.
- Fyedorova, E.V. 1982: *Vvedenie v latinskuyu epigrafiku* [Introduction to Latin Epigraphy]. Moscow.
- Федорова, Е.В. *Введение в латинскую эпиграфику*. М.
- Griffin, M. 2008 (2000): The Flavians. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 11. *The High Empire 70–192*. Cambridge, 1–83.

- Grosso, F. 1954: Aspetti della politica orientale di Domiziano. *Epigraphica* 16, 117–179.
- Grosso, F. 1955: Aspetti della politica orientale di Domiziano. *Epigraphica* 17, 33–78.
- Heidenreich, R. 1983: Zur östlichsten lateinischen Inschrift. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 52, 213–214.
- Isaac, B. 2000 (1992): *The Limits of Empire. The Roman Army in the East*. Revised ed. Oxford.
- Jones, B.W. 2002 (1993): *The Emperor Domitian*. New ed. London–New York.
- Kagan, K. 2006: Redefining Roman grand strategy. *The Journal of Military History* 70, 2, 333–362.
- Khachikyan, L.S. 1948: [Notes on Chapter 54, Book II of History of Armenia by Movses Khorenatsi (concerning a Latin inscription found in Azerbaijan)]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoy SSR [Proceedings of the Academy of Sciences of Armenian SSR]* 11, 91–97.
- Хачикян, Л.С. Заметки о 54 главе II книги «История Армении» Моисея Хоренского (по поводу латинской надписи, найденной в Азербайджане). *Известия Академии Наук Армянской ССР* 11, 91–97.
- Kolendo, J. 1981: *A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Néron*. Warszawa.
- Kornell, T., Matthews J. 1992 (1982): *Atlas of the Roman world*. Oxford.
- Kudryavtsev, O.V. 1956: [Colchis, Kingdom of Iberia and Albania in I–II centuries AD]. In: S.L. Utchenko (ed.), *Vsemirnaya istoriya*. Т. II [World History. Vol. 2]. Moscow, 687–691.
- Кудрявцев, О.В. Колхида, Иберия и Албания в I–II вв. н.э. В кн.: С.Л. Утченко (ред.), *Всемирная история*. Т. II. М., 687–691.
- Le Bohec, Y. 2001: *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii [The Imperial Roman Army]*. (Transl. from French). Moscow.
- Ле Боэк, Я. *Римская армия эпохи Ранней Империи*. Перевод с французского. М.
- Luttwak, E.N. 1976: *The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third*. Baltimore–London.
- Makhlayuk, A.V. 2009: [Poetic inscription of centurion M. Porcius Iasuctanus and Roman *virtus* as a category of military ethics]. *Iz istorii antichnogo obshchestva. Sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 12. [From the history of ancient society. The Collection of Scientific Papers. Issue 12]. Nizhny Novgorod, 213–238.
- Махлаюк, А.В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики. *Из истории античного общества. Сборник научных трудов*. Вып. 12. Нижний Новгород, 213–238.
- Mann, J.C. 1979: Power, force, and the frontiers of empire. *Journal of Roman Studies* 69, 175–185.
- McCrum, M., Woodhead, A.G. 1966: *Select Documents of the Principates of the Flavian Emperors Including the Year of Revolution of the AD68–96*. Cambridge.
- Melikishvili, G.A. 1959: *K istorii drevney Gruzii [Concerning the History of Ancient Georgia]*. Tbilisi.
- Меликишвили, Г.А. *К истории древней Грузии*. Тбилиси.
- Millar, F. 2002: Emperors, frontiers, and foreign relations, 31 B.C. to A.D. 378. In: F. Millar, *Rome, the Greek World, and the East*. Vol. II. *Government, Society and the Culture in Roman Empire*. Chapel Hill–London.
- Mitford, T.B. 1974: Some Inscriptions from the Cappadocian Limes. *Journal of Roman Studies* 64, 160–175.
- Mitford, T.B. 1980: Cappadocia and Armenia Minor: historical setting of the limes. In: H. Temporini (ed.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd II. 7. 2. Berlin–New York, 1169–1228.
- Mitford, T.B. 2018: *East of Asia Minor. Rome's Hidden Frontier*. Vol. 2. Oxford.
- Pakhomov, E.A. 1949: [Roman inscription of the first century AD and legion XII Fulminata]. *Izvestiya Akademii Nauk Azerbaydzhanskoy SSR [Proceedings of Academy of Sciences of Azerbaydzhani SSR]* 1, 79–88.
- Пахомов, Е.А. Римская надпись I в. н.э. и легион XII Фульмината. *Известия Академии Наук Азербайджанской ССР* 1, 79–88.

- Panov, A.R. 2008: *Rim na severo-vostochnykh rubezhakh: vzaimootnosheniya s gosudarstvami Severnogo Prichernomor'ya i Zakavkaz'ya v I v. do n.e. — pervoy tretyi II v.n.e.* [Rome on the North-East Frontiers: Interactions with States of the Northern Black Sea Area and Transcaucasia from the First Century BC to the First Third of the Second Century AD]. Arzamas.
- Панов, А.Р. Рим на северо-восточных рубежах: взаимоотношения с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в I в. до н.э. — первой трети II в.н.э. Арзамас.
- Perevalov, S.M. 2010: [Roman strategy in Caucasus in the Cappadocian governorship of Flavius Arrian]. In: S.M. Perevalov (ed.), *Takticheskie traktaty Flaviya Arriana: Takticheskoe iskustvo; Dispozitsiya protiv alanov* [Tactical Treatises of Flavius Arrian: Tactical art; Disposition against Alani]. Moscow, 299–336.
- Перевалов, С.М. Римская стратегия на Кавказе в каппадокийское легатство Флавия Арриана. В кн.: С.М. Перевалов (ред.), *Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов*. М., 299–336.
- Reynolds, J. 1960: Inscriptions and Roman studies 1910–1960. *Journal of Roman Studies* 50, 204–209.
- Schieber, A.S. 1976: *The Flavian Eastern Policy*. Buffalo.
- Syme, R. 1958: *Tacitus*. 2. Oxford.
- Trever, K.V. 1953: *Ocherki po istorii kyl'tury drevney Armenii (II v. do n.e. — IV v.n.e.)* [Essays on History of Ancient Armenian Culture (II B.C. — IV A.D.)]. Moscow–Leningrad.
- Тревер, К.В. Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. — IV в.н.э.). М. — Л.
- Trever, K.V. 1959: *Ocherki po istorii i kyl'ture Kavkazskoy Albanii (IV v. do n.e. — III v.n.e.)* [Essays on History and Culture of Caucasian Albania (IV B.C. — III A.D.)]. Moscow–Leningrad.
- Тревер, К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. — III в.н.э.). М. — Л.
- Tsereteli, G.V. 1960: [The Greek inscription of the age of Vespasian from Mtskheta]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 123–133.
- Церетели, Г.В. Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета. *ВДИ*. 2, 123–133.
- Tumbil', P. Th. 1948: [Roman inscription of the first century AD uncovered in the territory of Azerbaijan (Kabristan)]. *Doklady Akademii Nauk Azerbaydzhanskoy SSR* [Reports of Academy of Sciences of Azerbaydzhani SSR] IV, 7, 312–313.
- Тумбиль, П.Х. Римская надпись I века н.э., обнаруженная в пределах Азербайджана (Кабристан). *Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР* IV, 7, 312–313.
- Whittaker, C.R. 2004a: *Rome and its frontiers: the Dynamics of Empire*. London–New York.
- Whittaker, C.R. 2004b: *The Roman Frontiers Now*. New York.
- Whittaker, C.R. 2008 (2000): Frontiers. In: *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 11. *The High Empire 70–192*. Cambridge, 293–319.
- Yampolskiy, Z.I. 1949: [Concerning one Roman inscription in Azerbaijan] *Izvestiya Akademii Nauk Azerbaydzhanskoy SSR* [Proceedings of Academy of Sciences of Azerbaydzhani SSR] 1, 89–96.
- Ямпольский, З.И. К римской надписи в Азербайджане. *Известия Академии Наук Азербайджанской ССР* 1, 89–96.
- Yampolskiy, Z.I. 1950: [Again uncovered Latin inscription near mountain Bejuk–Dash]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 177–182.
- Ямпольский, З.И. Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш. *ВДИ* 1, 177–182.